

Электронный научно-образовательный журнал «История». 2013-2025

ISSN 2079-8784

URL - <http://history.jes.su>

Все права защищены

Выпуск 6 (152) Том 16 - Традиции и новации в источниковедении и специальных исторических дисциплинах. 2025

Мученики, исповедники и отступники в De Lapsis Киприана Карфагенского

Пантелеев Алексей Дмитриевич

Санкт-Петербургский государственный университет; Институт всеобщей истории РАН

Российская Федерация, Санкт-Петербург

Аннотация

Статья предлагает новый взгляд на трактат Киприана Карфагенского «О падших», написанного весной 251 г. после окончания гонения Деция. Обсуждаемые в нем вопросы церковной дисциплины и покаяния были средством решения проблем, возникших в результате отступничества. Киприан в полной мере осознавал, что закончившееся гонение не станет последним в истории Церкви, преследования могут возобновиться в ближайшее время, и в «О падших» содержатся подробные наставления о том, как следует себя вести во время гонений, и что делать, если в силу каких-то причин верующий все-таки совершил жертву языческим богам. Киприан указывает причины отступничества, описывает модели поведения отступников, наконец, дает рекомендации о том, как следует каяться и у кого искать прощения.

Ключевые слова: Киприан, «О падших», Римская империя, раннее христианство, гонения, Карфаген

Дата публикации: 31.08.2025

Источник финансирования:

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 24-28-01146, выполняемого на базе Института всеобщей истории РАН (Москва), (<https://rscf.ru/project/24-28-01146>).

Пантелеев А. Д. Мученики, исповедники и отступники в De Lapsis Киприана Карфагенского // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2025. – Т. 16. – Выпуск 6 (152). URL: <https://history.jes.su/s207987840035919-9-1/>. DOI: 10.18254/S207987840035919-9

¹ Как известно, история христианства в первые века — это история гонений, сначала локальных, затем общегосударственных, и в ходе этих преследований появлялись не только мученики, но и отступники. При всей интуитивной ясности этих понятий мы, тем не менее, видим, что у раннехристианских авторов есть определенные колебания при описании и тех, и других. Не всякий, кто погиб за исповедание Христа, оказывается мучеником: есть одобряемое мученичество «согласно Евангелию», учение о котором начинает формироваться с середины II в., с «Мученичества Поликарпа», и есть «хвастовство мученичеством» (*iactatio martyrii* — Tert. Adv Prax., 1), демонстративная добровольная выдача себя римским властям, что не всякий раз вело к казни. Сходные проблемы связаны с отступничеством: в то время трудно определить само это явление. Можно было или подобно Петру заявить, что ничего не знаешь о Христе, или принести жертву языческим богам, или вернуться в синагогу, или уйти из общины, основанной Павлом, к кому-нибудь из гностических учителей, или похулить Спасителя и выдать римлянам единоверцев. Некоторые из этих действий могли быть прощены, а некоторые нет, точную границу провести здесь очень сложно, и для описания этих случаев могли использоваться различные термины¹. Определенная ясность в этом вопросе появляется в середине III в., когда гонения Деция приводят к появлению множества принесших жертву языческим богам, но после раскаявшихся, и было нужно решить, что делать с этими людьми. Сочинения Киприана Карфагенского оказываются ценнейшим источником о спорах вокруг этого вопроса. Мы попробуем предложить новый взгляд на его трактат «О падших», поставив в центр внимания не церковную дисциплину и расколы внутри карфагенской церкви, а те проблемы, что вставали перед самими отпавшими, желавшими вернуться в общину. Подобно тому, как агиографические сочинения учили², как следует себя вести в темнице и на суде наместника, Киприан учит, как себя должен вести пытающийся заслужить прощение отступник.

² Этот небольшой трактат написан Киприаном весной 251 г. после окончания гонения Деция³, когда скрывавшийся от преследований епископ вернулся в Карфаген⁴. Структура «О падших» проста и прозрачна. После вознесения хвалы Господу за окончание испытания, прославления мучеников и исповедников и оправдания тех, кто бежал от гонений, Киприан обращается к вопросу, что делать с отступниками: достойны ли они прощения, кто может это прощение даровать, какие виды отступников следует различать — принесшие жертву добровольно, сделавшие это только после пыток, те, кто не принес жертву, но купил себе удостоверение в этом, — и тому, как нужно искупать эти прегрешения. Это произведение является хорошим образцом ораторского искусства Киприана: хотя он и утверждает, что языческому красноречию место в суде и публичных выступлениях, а о вещах божественных следует говорить просто и искренне (*Ad Donat.*, 2), но прошлое преподавателя риторики дает себя знать, и «О падших» написано по всем правилам⁵. 1—3 главы сочинения — это *exordium*,

введение, — краткое *narratio*, повествование, где Киприан делает особый акцент на эмоциональной составляющей, 5—31 — *probatio*, доказательство основной идеи, опирающейся на многочисленные цитаты из Писания, 32—36 — *peroratio*, заключение, эмоционально подводящее итог его мыслям⁶.

³ Исследователи, обращающиеся к этому тексту, как правило указывали, что целями Киприана было упрочение своей епископской власти, поколебавшейся из-за его бегства, решение вопроса, как следует поступать с отступниками, и попытка обуздать исповедников, которые, своевольно даруя отпущение грехов отступникам, противопоставили себя епископу⁷. К. Боберц полагал, что в «О падших» и в трактате «О единстве Церкви» Киприан формирует образ епископа-патрона всей общины, чьи молитва, прощение грехов и покровительство являются истинными, что не могут обеспечить его оппоненты⁸. Споры о прощении падших были необычайно актуальны в то время: гонения Деция привели к появлению не только многих мучеников и исповедников, но и отступников. Как известно, в те годы вокруг их прощения разгорелась целая серия конфликтов. Карфагенский пресвитер Новат, Фортунат и группа священнослужителей, объединившихся вокруг них, принимали в церковное общение отпавших без учета мнения епископа, только на основании особых свидетельств, *libelli pacis*, выданных исповедниками, в том числе мирянами⁹. Новациан и его сторонники, наоборот, полагали, что отступничество в любой форме является непростительным грехом и отказывали им в возможности получить прощение¹⁰. Эта полемика хорошо изучена предыдущими поколениями историков и филологов. Ученые обращались к «О падших» либо как к источнику по истории только что завершившихся гонений, либо как к свидетельству об особенностях церковной организации Северной Африки и о полемике Киприана со своими оппонентами; и в том, и в другом случае активно привлекались его письма, где затрагивались эти же или близкие сюжеты.

⁴ Мы предпримем попытку рассмотреть этот трактат как совершенно самостоятельное произведение, причем обращенное не к прошлому или настоящему, а устремленное в будущее. Обсуждаемые в «О падших» вопросы церковной дисциплины и покаяния были средством решения проблем, возникших в результате отступничества. Очевидно, Киприан в полной мере осознавал, что закончившееся гонение не станет последним в истории Церкви, и преследования могут возобновиться в ближайшее время: он сам неоднократно говорит, оправдывая бежавших, что время пострадать для одних уже настало, а для других — еще нет. Мы постараемся показать, что этот текст можно рассматривать как наставление верующим на случай будущих гонений. В определенной степени он является частью традиции, представленной такими сочинениями, как «К мученикам» Тертуллиана, «Увещание к мученичеству» Оригена и некоторыми агиографическими текстами¹¹, но по очевидным причинам Киприану в тот момент не стоило писать о мученичестве, ведь он спорил с теми, кто стал исповедниками, оставшись в Карфагене, а не бежал. В центре внимания Киприана оказывается не идеал героя-мученика, а антигерои-отступники, и он показывает не то, к чему следует стремиться, а то, чего нужно избегать: хотя отступники и заслуживают прощения, было бы лучше, если их бы не было вовсе. Его вторая цель — описать, что следует делать, если это несчастье все-таки произошло, как себя вести,

оказавшись в таком положении, и где искать прощения, и это касается не только тех, кто уже пал, но и будущих отступников. Заметим, что эти наставления иногда перекликаются с тем, что мы видим в «Мученичестве Пиония», которое датируется тем же временем гонений Деция: там мученик произнес большую речь, обращенную в том числе и к отступникам, где призывает их не падать духом окончательно, а самое главное, не обращаться к иудаизму (Mart. Pionii, 12—14)¹².

⁵ События начала 250-х гг. не стали для верующих чем-то совсем уж неожиданным, хотя бедствия такого масштаба никто не ожидал. Мы знаем не так много о гонениях на христиан в период между правлением Септимия Севера и преследованиями Деция. Киприан и Сульпиций Север говорят о продолжительном времени спокойствия (Cyp. De laps., 5; Sulp. Sev. Chr., II, 32), но это, конечно, не означает полное отсутствие преследований. Евсевий упоминает о антихристианских мерах Максимиана (Eus. HE, VI, 28) и о нападках на верующих в Александрии (Eus. HE, VI, 41), а тот же Киприан, когда пишет о назначении некоего Целирана чтецом, вспоминает о его бабке и двух дядях, ставших мучениками, что произошло, скорее всего, еще до 250 г. (Cyp. Ep. 39)¹³. К какому времени относится мученичество Каста и Эмилия, пострадавших «некогда здесь [в Карфагене — *А. П.*]» (Cyp. De laps., 13), которые упомянуты Августином (Aug. Serm. 285) и в ранних мартирологах, точно сказать невозможно: их пытали, и из-за пыток они отступились, но затем получили прощение и стали мучениками. Если их казнили при Деции, то первый раз они были арестованы очевидно в предшествующий период.

⁶ Начнем с вопроса о том, что, по мнению Киприана, вызвало гонения, и о том, какие факторы, с его точки зрения, провоцировали отступничество: если откроется причина бедствия, то обнаружится и исцеление от него (De laps., 5). Как и в «Мученичестве Пиония», где сказано: «Мы согрешили, и некоторые были самоуверенны: мы поступали незаконно, уязвляя и обвиняя друг друга; мы уничтожали друг друга» (Mart. Pionii, 12, 15)¹⁴, Киприан видит причину этого в дурном поведении верующих и отходе от наставлений Христа. Вера почти заснула, ее нужно было разбудить, и Господь прибегнул к этому жестокому средству. Прежде всего он критикует алчность и корыстолюбие: во время спокойствия все устремились к увеличению своего имущества, в том числе и епископы, которые ради выгодной сделки в базарный день могли оставить свою паству, а некоторые присваивали общинные деньги и занимались ростовщичеством (De laps., 5—6). На сложности, связанные с обладанием богатством, обращали внимание многие церковные авторы: в мирное время оно отвлекало от спасения души, ослабляло веру, создавая иллюзию благополучия и защищенности, и заставляло больше необходимого общаться с язычниками, а во время гонений искушало отступить¹⁵. Богачи отказывались бежать, не желая расстаться со своим имуществом и лишиться привычного образа жизни (De laps., 11). Кроме того, Киприан, сам будучи вполне обеспеченным человеком, в полной мере сознавал, насколько слаба у некоторых богачей связь с Церковью и до какой степени они не готовы подчиняться клиру, когда им не нравились какие-то решения, приняты без учета их интересов. Тема богатства и его тлетворного влияния на жизнь христиан будет еще не раз обсуждаться в «О падших».

7 Еще одна причина — самолюбование и желание украсить себя, порожденное богатством, это — прямой путь к прелюбодейству. Киприан, подобно Тертуллиану, обрушивается на привычку пользоваться украшениями и вообще прихорашиваться; детально эта тема рассмотрена в его трактате «Об одежде девственников». Здесь для нас важно краткое указание на опасность смешанных браков христиан и язычников: «Заключают с неверными супружеские союзы» (*iungere cum infidelibus vinculum matrimonii*. — *De laps.*, 6; cf. *Test.*, III, 62). На угрозу, которую таили для религии такие браки, обращали внимание еще Филон Александрийский и Иосиф Флавий. Филон указывал на то, что иудеи опадают от своих священных законов из-за крепких напитков, изысканной пищи и чужих прелестей (*De virt.*, 182; *De praem.*, 152). Иосиф с осуждением писал о том, как под воздействием моавитянок иудеи стали поклоняться Ваал-Фегору (Чис. 25:1—3; *Jos. Fl. AJ*, IV, 126—155), а Соломон отпал от Бога из-за своих иноземных жен (3 Цар. 11:1—8; *AJ*, VIII, 190—198)¹⁶. Во время гонений Деция эта опасность стала двоякой: с одной стороны, под воздействием супруга могло произойти первичное или повторное обращение от христианства к язычеству, а с другой, иногда мужья-язычники силой или обманом заставляли своих жен, детей и домочадцев хотя бы появиться у алтарей (*Cypr. De laps.* 9; *Ер.* 24, 2; *Eus. HE*, VI, 41, 4)¹⁷. Впрочем, детального рассмотрения тема смешанных семей в нашем сочинении не получила.

8 Киприан отмечает общее падение нравов: миряне начали нарушать клятвы, презирать священников, клеветать один на другого и враждовать друг с другом, да и священники тоже вели себя не лучшим образом (*De laps.*, 6). Это можно сопоставить с наблюдениями современных социологов, которые занимаются изучением феномена отступничества в современных религиях. Среди факторов, приводящих к решению покинуть общину, они выделяют недовольство единоверцами и внутренние конфликты, особенно с лидерами движения¹⁸. Свою роль в росте напряженности внутри карфагенской церкви в период до начала гонений сыграла и экономическая дифференциация, о которой мы говорили: от богачей ждали помощи нуждающимся и готовности безропотно исполнять решения епископа, что происходило далеко не всегда. С одной стороны, обеспеченные христиане дистанцировались и отстранялись от бедняков, с другой, между самими богачами могла возникать конкуренция за влияние внутри общины. Споры между священниками тоже плохо способствовали сохранению чувства единства. Наконец, некоторые, не желая отступиться в одиночку, подбивали к этому своих товарищей (*De laps.*, 9).

9 После описания причин гонения обратимся к тому, как следует себя вести при начале преследований. Если мученичества и церковная традиция II в. — первой половины III в. явно указывали, что следует оставаться дома и ждать, когда за тобой придут гонители¹⁹, то здесь мы видим иную модель. Само поведение Киприана подсказывает ответ: следует бежать. Кто ушел из города, тот не участвовал в жертвоприношении и не совершил греха, а кто, не скрывшись, остался и пал, остался с намерением отступить. Проблема бегства во время гонений достаточно часто поднималась в церковной литературе: Климент Александрийский на рубеже II—III вв., а позже современники Киприана Ориген и Дионисий Александрийский признавали его возможность, причем оно объявлялось едва ли не желательным, ведь христианину не следует становиться

причиной дел, навлекающих зло на других, то есть преследователей (Clem Alex. Strom., IV, 10; Orig. Comm. Mt. XVI, 1; Dion. Alex. apud Eus. HE, VI, 42, 2). Позже мы видим признание возможности бегства с такой же аргументацией в 9 и 13 правилах Петра Александрийского²⁰. Карфагенский епископ утверждает, что скрыться, чтобы сохранить себя для Господа — вторая после открытого исповедания «ступень к славе» (*secundus ad gloriam gradus*), и может быть, беглецу предстоит мученичество, но не сейчас, а в назначенный для этого момент (Cyp. De laps., 3). Он не одинок в превознесении бегства: Дионисий Александрийский идет еще дальше, утверждая, что голод, жажда, жара и холод, которые пережили бежавшие, равны пыткам, которым подвергались исповедники и мученики (Eus. HE, VI, 42, 2).

¹⁰ После этого Киприан приводит образцы неподобающего поведения оставшихся. Одни по своей воле устремились на форум принести жертву, причем были те, кто так спешил это сделать, что отказывались от отсрочки из-за наступившего вечера, которую им давали магистраты, и требовали немедленно уладить все формальности (De laps., 8)²¹. Эти люди не испытывали никаких колебаний, хотя они и называли себя христианами. Другие, не чувствовавшие такой уверенности, уговаривали своих товарищей тоже совершить жертву, чтобы не оказаться изгоями (9); скорее всего, над отступниками в Карфагене язычники и иудеи насмехались так же, как в Смирне: «Ведь я знаю, что вы, потешаясь и насмехаясь над перебежавшими, считаете смешным, что они... принесли жертву» (Mart. Pionii, 4, 3). Для этих людей было важно знать, что рядом с ними есть такие же слабые духом, что не они одни стали чужими для всех. Третьи приводили с собой к алтарям своих малолетних детей, уже получивших крещение, таким образом лишая их возможности спастись (De laps., 9). Вряд ли эти три случая оказались рассмотрены вместе случайно — описанные прегрешения отличались особенной тяжестью, ведь это было либо злонамеренное поведение, либо вовлечением в грех других.

¹¹ Этим антигероям противостоят *stantes*, устоявшие — те, кому следует подражать. Устоявшие — это все, кто не отрекся, и неважно, как именно это произошло: «Когда миновал срок, предписанный для отречения, кто не поклонился богам (*professus*), тот исповедал (*confessus*), что он христианин» (De laps., 3). К этой группе относятся и мученики, и исповедники, и те, кто бежал, и те, кто остался дома, но не был схвачен. Любопытно, что в фокусе внимания Киприана оказываются не те, кто этого, казалось бы, заслужил больше всего, не мученики и исповедники. Наоборот, особой похвалы удостоиваются бежавшие, кто, желая сохранить свою веру, отказался от имущества ради Христа (10). Он снова указывает, что человек не может получить мученический венец по своему желанию, а необходимо, чтобы пришел его час. Таким образом, мученики и исповедники получили знак от Господа, узнали, что их час пришел, и у них была полная ясность, как поступить. Остальным было сложнее: знака нет, и выбор следовало делать самостоятельно. Киприан неявно намекает, что тем, кто бежал, было труднее всего: они испытывали сомнения и колебались, не имея этого знака, и тем не менее, пожертвовали всем, что имели, чтобы сохранить верность Богу. Последняя группа, те, кто остался в городе, но не отрекся, не удостоивается такой похвалы. Наоборот, отношение к ней скорее сдержанно-негативное: эти люди не

решились бросить свое добро, а кроме того, возможно, они остались на месте с намерением отречься (11).

¹² Киприан снова обращается к критике богатства, ставшего причиной падения многих христиан: «Это для остающихся были узы, это были цепи, которые задержали их доблесть, подавили веру, победили ум...» (12). Именно привязанность к благам этого мира не дает последовать за Христом и достичь неба, так что верующие должны стремиться к потере своего имущества и даже желать этого. До этого, в «Об одежде дев» (249 г.), да и после, в «О благотворении и милостыни» (252 г.), его позиция ближе к тому, что мы видим у Климента Александрийского: богатство опасно, но оно дает возможность спастись при помощи милостыни и других форм благотворительности²². В «О падших» Киприан намного ближе к Тертуллиану, утверждавшем, что блага мира сего — главная помеха на пути к мученичеству, поэтому следует как можно скорее избавиться от них²³. Надо полагать, что под воздействием увиденного им после возвращения в Карфаген его взгляды на время изменились: среди отрекшихся было много богачей, и проигнорировать это было невозможно.

¹³ Еще одна причина отступничества — страх перед пытками. Киприан упоминает розги, палки, растягивание (аналог дыбы), плети с когтями, огонь (13). Эти пытки, посредством которых язычники добивались жертвоприношения, встречаются в различных мученичествах II—III вв. (Mart. Pol., 2, 2—4; Mart. Carpi gr., 34; Acta Iust. B, 5, 5; Mart. Lugd.; Mart. Pionii, 20, 1—2 etc.). Но это может быть оправданием лишь для тех, кто прошел через них и проливал не слезы, а кровь, а не тех, кто трусил и отступился. Эти два страха — лишиться имущества и претерпеть боль — могли бы дать Киприану возможность вспомнить различные наставления философов-стоиков, хотя бы XIV Письмо Сенеки, где говорится о том, что человек боится бедности, болезней и насилия со стороны того, кто могущественнее его, и о том, что один вид ужасных орудий палача побеждает даже способного вынести пытку (Sen. Epist., XIV, 3—6)²⁴. Однако, карфагенский епископ не стремится к тому, чтобы продемонстрировать свою эрудицию при каждом удобном случае, перед ним стояли другие задачи, и он, сдержав себя, переходит к критике тех, кто дарует этим отступникам мир и допускает их к церковному общению (De laps., 15).

¹⁴ Непростые отношения Киприана и карфагенских исповедников неоднократно становились объектом отдельного анализа, мы не будем останавливаться на этой теме подробно²⁵, ограничившись замечанием о том, что такого рода прощения нельзя ни просить, ни давать: «Не дает это мир, но уничтожает, не дает общения, но препятствует спасению» (16). Только Господь может помиловать и простить, человек, пусть даже мученик и праведник, не должен отменять заповеди Бога (17—18); Он не удовлетворил молитвы Ноя, Моисея и Иеремии и других пророков о прощении всего народа (19—20), и отступники не должны полагаться на прощение, полученное от исповедников. Евангелие не может в одном месте быть гибким, а в другом твердым, и слова Христа об исповедании и отречении (Мф 10:32—33) должны пониматься буквально. Это приводит к следующему выводу: если евангельские слова могут быть нарушены, то прощение от исповедников ничего не значит, но если их нельзя нарушить, то и тогда оно бессмысленно — так или иначе, оно бесполезно. Кроме

того, тот, кто исполнил волю Божию и пострадал, не может и не станет требовать от епископа ничего, противного Его воле (*De laps.*, 20—21).

¹⁵ Киприан обрушивается с критикой на тех, кто осмеливается критиковать мучеников и исповедников — павший не должен угрожать устоявшим (*De laps.*, 22), — но и последние не должны давать для этого повод. Отступники, прикрываясь полученным от исповедников прощением, начали требовать участия в таинствах, даже угрожая священникам, и это оскорбление не только клириков, но и Самого Христа; такие люди будут наказаны. Киприан приводит несколько леденящих душу рассказов о судьбе подобных людей: один онемел, вторая чуть ли не откусила сама себе язык, совсем маленькая девочка, которую кормилица-язычница накормила идоложертвенным, оказавшись на службе, стала всхлипывать и метаться во все стороны, а когда ее привели к евхаристии, с ней случилась рвота, кто-то от этого умер, а для кого-то дары стали пламенем или пеплом (24—26). Об одних случаях Киприан узнал из слухов, свидетелем других, как он утверждает, был сам. Этот прием мы встречаем у Тертуллиана, который, критикуя зрелища, обращался к Варрону и Светонию, цитировал Писание и вспоминал Сенеку, но для менее искушенных рассказывал страшные истории о тех, кто все-таки ходил в театр, и о том, как ими овладели демоны, и кое-кто даже погиб (*De spect.*, 26). Позже такие чудесные рассказы по разным поводам будет приводить и Августин. Видимо, для африканской аудитории богословские рассуждения должны были подтверждаться примерами силы Господа, и Киприан хорошо знал свою аудиторию.

¹⁶ Дело доходит до тех, кто формально не осквернился жертвами, купив себе и своим близким *libelli* — свидетельства о якобы совершенном жертвоприношении²⁶. Некоторые посылали к языческим алтарям вместо себя нанятых язычников, но это не освобождает от ответственности: отправив другого, такой человек поручил ему принести жертву и таким образом признал языческих богов, отступившись от Христа. Этим можно обмануть людей, но не Господа, Который все видит и за все будет судить.

¹⁷ Есть и такие, кому повезло не принести жертву, они не покупали свидетельство, но при этом в душе помышляли об этом. Это тоже отступники, пусть и самые невинные; им следует совершить исповедь и очистить свою совесть. Их вина самая малая из всех перечисленных, но она все равно есть, и им следует каяться и просить о прощении, так как Господь, как уже неоднократно говорилось, видит все и всех.

¹⁸ Последний раздел наставлений Киприан посвящает тому, как следует каяться. Гнев Господень искупляется постом, плачем и рыданием, в то время, как некоторые ежедневно моются в термах с женщинами, обильно пируют, бреют бороду и украшают себя. Женщины, которым следует раскаяться, вместо этого убирают волосы, красят брови и облачаются в пышные одеяния и драгоценные украшения (*De laps.*, 29—30). Согрешить и не оплакивать свое преступление, увлекшись мирскими делами, — худший грех. Три части покаяния, по Киприану, — это публичная исповедь, удовлетворение Богу, соответствующее тяжести прегрешения («Сколь много мы согрешили, столь тяжело должны и платить», — 35), и примирения с Церковью, которое даровали епископ и клир. Не

следует смущаться из-за глупости и наглости тех, кто не понимает своих грехов; не следует и искать легких путей прощения, так как те, кто дают мир без такого покаяния, обещают лишь ложное спасение. Здесь мы имеем дело с полемикой, направленной против Фелициссима и его сторонников, которые полагали требования Киприана слишком строгими, и без должного разбора прощали всех подряд²⁷. Если раскаяние будет от всего сердца, искренним и деятельным, то Господь отпустит грехи и позволит снова облачиться в оружие веры (ср. Еф. 6:11—17). Пережив болезнь падения, можно стать более сильным и заслужить от Бога не только прощение, но и венец.

¹⁹ Таким образом, мы видим, как Киприан одновременно решает стоящие перед ним здесь и сейчас проблемы упрочения пошатнувшейся епископской власти, прощения отступников и ликвидации раскола, и дает инструкции верующим Карфагена и других церквей, как себя вести во время гонений, какие действия могут быть прощены, а какие нет, и от кого следует получать это прощение. Корень почти всех бед — богатство, следует отказаться от него. Оно не дает бежать, что является самым верным во время преследований, и вообще привязывает к этому миру. Богачи полагаются на силу денег, они сначала купили у магистратов свидетельства о жертвах, а потом у исповедников письма о прощении, при том, что и то, и другое совершенно недопустимо. Когда нужно каяться и всем своим поведением молить о снисхождении, они пируют, украшают себя и ведут себя так, как будто ничего не произошло. Вместе с богатством следует побороть и страх боли, второй источник отступничества. Последовательно от самого худшего к дурному, но простительному, описаны модели поведения отступников, причем в их число оказываются включены и те, кто не принес жертву, но только потому, что его не заставили это сделать, а в душе были к этому готовы. Наконец, Киприан прямо указывает, у кого следует искать прощения и как нужно каяться. «О падших» и примыкающая к ним группа сочинений Киприана сыграли определяющую роль в решении старого вопроса об отступниках и стали образцом для следующих поколений верующих, ведь впереди было немало бедствий, самым страшным из которых стало Великое гонение при Диоклетиане.

Примечания:

1. Пантелеев А. Д. Отступничество в раннем христианстве: явление и термины // Индоевропейское языкознание и классическая филология. Т. 29 (2). 2025. С. 164—175.
2. Пантелеев А. Д. «Для упражнения и подготовки тех, кто намеревается»: ранние агиографические тексты как наставления для христиан // Диалог со временем. 2017. № 58. С. 125—140.
3. О гонениях Деция см.: Selinger R. The Mid-Third Century Persecutions of Decius and Valerian. Frankfurt am Main; B., 2002; Каргальцев А. В. Гонения Деция и Церковь середины III в.: мученики и власти // Проблемы истории, филологии, культуры. № 1. 2016. С. 153—165.
4. Quasten J. Patrology. Vol. 2. P. 348; Sage M. Cyprian. Cambridge, 1975. P. 232—240; Фокин А. Р. Латинская патрология. Т. I. М., 2005. С. 168—169.
5. О том, что Киприан был именно ритором, а не адвокатом или юристом, см.: Clarke G. W. The Secular Profession of St. Cyprian of Carthage // Latomus. T. 24. 1965. P. 633—638.
6. Rankin D. I. From Clement to Origen. The Social And Historical Context of the Church Fathers. Aldershot, 2006. P. 74.
7. Bobertz C. Cyprian of Carthage. Priest and Patron. Leuven, 2023. P. 121—122.
8. Bobertz C. A. The Historical Context of Cyprian's De Unitate // Journal of Theological Studies. Vol. 5. 1990. P. 107—

- 111; Bobertz C. Cyprian of Carthage. P. 121—131.
9. Burns J. P. Cyprian the Bishop. L.; N. Y., 2002. P. 26—27.
10. Gulzow H. Cyprian und Novatian: Der Briefwechsel zwischen den Gemeinden in Rom und Karthago zur Zeit der Verfolgung des Kaisers Decius. Tübingen, 1975; Papandrea J. L. Novatian of Rome and the culmination of Pre-Nicene Orthodoxy. Eugene, 2011.
11. Пантелеев А. Д. «Для упражнения и подготовки тех, кто намеревается»: ранние агиографические тексты как наставления для христиан // Диалог со временем. 2017. № 58. С. 125—140.
12. Подробнее см.: Пантелеев А. Д. Речи в «Мученичестве Пиония»: реальность или фикция? // Индоевропейское языкознание и классическая филология. Т. 18. 2014. С. 762—770.
13. Barnes T. D. Three Neglected Martyrs // Journal of Theological Studies. Vol. 22. 1971. P. 159—161; Duval Y. Celerinus et les siens d'après la correspondance de Cyprien (Ep. 21—23, 37, 39) // Revue des Études Augustiniennes. Vol. 47. 2001. P. 33—62.
14. Эта фраза вполне может принадлежать к речи или сочинению, написанному самим Пионием (Пантелеев А. Д. Речи в «Мученичестве Пиония»: реальность или фикция? // Индоевропейское языкознание и классическая филология. Т. 18. 2014. С. 767—769).
15. Пантелеев А. Д. «Богатство походит на змея»: деньги, мученичество, отступничество и борьба за власть в раннехристианской традиции (I в. — начало IV в.) // Религия. Церковь. Общество. Исследования и публикации по теологии и религии. Вып. 12. 2023. С. 180—201.
16. Wilson S. G. Rivalry and Defection // Religious Rivalries in the Early Roman Empire and the Rise of Christianity / ed. L. E. Vaage. Wilfrid Laurier, 2006. P. 57—59.
17. Подробнее см.: Clarke G. W. The Letters of St. Cyprian of Carthage. Vol. 1. N. Y., 1984. P. 348—349.
18. Jacobs J. L. Divine Disenchantment: Deconverting from New Religions. Bloomington, 1989; Wilson S. G. Leaving the Fold. Apostates and Defectors in Antiquity. Minneapolis, 2004. P. 123.
19. Пантелеев А. Д. «Для упражнения и подготовки тех, кто намеревается»: ранние агиографические тексты как наставления для христиан // Диалог со временем. 2017. № 58. С. 128—130.
20. Leclercq H. Fuite de la persécution // Dictionnaire d'archéologie chrétienne et de liturgie. Vol. 5.2. P., 1923. Col. 2660—2684; McGuckin J. A. Martyr Devotion in the Alexandrian School: Origen to Athanasius // Martyrs and Martyrologies / ed. D. Wood. Oxford, 1993. P. 35—45; Leemans J. The Idea of “Flight for Persecution” in the Alexandrian Tradition from Clement to Athanasius // Origeniana Octava. Papers of the 8th International Origen Congress / ed. L. Perrone. Vol. II. Leuven, 2003. P. 901—910; Пантелеев А. Д. Мученики и мученичество в «Церковной истории» Евсевия Кесарийского // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. Вып. 4 (90). URL: [>>>](#).
21. О подобной практике отсрочек и «двойных допросов» см.: Clarke G. W. Double-Trials in the Persecution of Decius // Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte. Vol. 22. 1973. P. 650—663.
22. Dunn G. D. The White Crown of Works: Cyprian's Early Pastoral Ministry of Almsgiving in Carthage // Church History. Vol. 73. 2004. P. 715—740.
23. Countryman L. W. The Rich Christian in the Church of the Early Empire: Contradictions and Accommodations. N. Y., 1980. P. 138—139; Пантелеев А. Д. «Богатство походит на змея»: деньги, мученичество, отступничество и борьба за власть в раннехристианской традиции (I в. — начало IV в.) // Религия. Церковь. Общество. Исследования и публикации по теологии и религии. Вып. 12. 2023. С. 187—189.
24. Возможно, это письмо все-таки повлияло на Киприана: в 11—14 главах «О падших» последовательно, почти по плану Сенеки, появляются темы богатства и его потери, страха пыток и, наконец, болезни и исцеления. Киприан безусловно был знаком с римским стоицизмом и сочинениями Сенеки, особенно хорошо это заметно в «О смертности».
25. Укажем лишь недавнюю книгу Ч. Боберца, где рассмотрена историография вопроса: Bobertz C. Cyprian of Carthage. Priest and Patron. Leuven, 2023. P. 121—131.
26. Сохранившиеся libelli опубликованы в: Meyer P. Die Libelli aus der decianischen Christenverfolgung. B., 1910; Knipfling J. R. The Libelli of the Decian Persecution // Harvard Theological Review. 1923. Vol. 16. P. 345—390; Selinger R. The Mid-Third Century Persecutions of Decius and Valerian. Frankfurt am Main, 2002. P. 137—155.
27. Каргальцев А. В. Африканские соборы III в.: епископы и исповедники // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 15. 2015. С. 435—439.

Библиография:

1. Каргальцев А. В. Гонения Деция и Церковь середины III в.: мученики и власти // Проблемы истории, филологии, культуры. № 1. 2016. С. 153—165.
2. Каргальцев А. В. Африканские соборы III в.: епископы и исповедники // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 15. 2015. С. 432—445.
3. Пантелеев А. Д. Речи в «Мученичестве Пиония»: реальность или фикция? // Индоевропейское языкознание и классическая филология. Т. 18. 2014. С. 762—770.
4. Пантелеев А. Д. «Для упражнения и подготовки тех, кто намеревается»: ранние агиографические тексты как наставления для христиан // Диалог со временем. 2017. № 58. С. 125—140.
5. Пантелеев А. Д. Мученики и мученичество в «Церковной истории» Евсевия Кесарийского // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. Вып. 4 (90). URL: <https://history.jes.su/s207987840009847-0-1/> DOI: 10.18254/S207987840009847-0
6. Пантелеев А. Д. «Богатство походит на змея»: деньги, мученичество, отступничество и борьба за власть в раннехристианской традиции (I в. — начало IV в.) // Религия. Церковь. Общество. Исследования и публикации по теологии и религии. Вып. 12. 2023. С. 180—201.
7. Пантелеев А. Д. Отступничество в раннем христианстве: явление и термины // Индоевропейское языкознание и классическая филология. Т. 29 (2). 2025. С. 164—175.
8. Фокин А. Р. Латинская патрология. Т. I. М., 2005.
9. Bobertz C. A. The Historical Context of Cyprian's De Unitate // Journal of Theological Studies. Vol. 5. 1990. P. 107—111
10. Bobertz C. Cyprian of Carthage. Priest and Patron. Leuven, 2023.
11. Barnes T. D. Three Neglected Martyrs // Journal of Theological Studies. Vol. 22. 1971. P. 159—161.
12. Burns J. P. Cyprian the Bishop. L.; N. Y., 2002.
13. Clarke G. W. The Secular Profession of St. Cyprian of Carthage // Latomus. T. 24. 1965. P. 633—638.
14. Clarke G. W. Double-Trials in the Persecution of Decius // Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte. Vol. 22. 1973. P. 650—663.
15. Clarke G. W. The Letters of St. Cyprian of Carthage. Vol. 1—4. N. Y., 1984—1989.

16. Cyprian. *De lapsis and De Ecclesiae Catholicae unitate* / ed. Bévenot M. Oxford, 1971.
17. Dunn G. D. The White Crown of Works: Cyprian's Early Pastoral Ministry of Almsgiving in Carthage // *Church History*. Vol. 73. 2004. P. 715—740.
18. Duval Y. Celerinus et les siens d'après la correspondance de Cyprien (Ep. 21—23, 37, 39) // *Revue des Études Augustiniennes*. Vol. 47. 2001. P. 33—62.
19. Gulzow H. Cyprian und Novatian: Der Briefwechsel zwischen den Gemeinden in Rom und Karthago zur Zeit der Verfolgung des Kaisers Decius. Tübingen, 1975.
20. Hornung C. Apostasie im Antiken Christentum. Studien zum Glaubensabfall in altkirchlicher Theologie Disziplin und Pastoral. Leiden, 2016.
21. Jacobs J. L. *Divine Disenchantment: Deconverting from New Religions*. Bloomington, 1989.
22. Knipfling J. R. The Libelli of the Decian Persecution // *Harvard Theological Review*. 1923. Vol. 16. P. 345—390.
23. Leclercq H. Fuite de la persécution // *Dictionnaire d'archéologie chrétienne et de liturgie*. Vol. 5.2. P., 1923. Col. 2660—2684.
24. Leemans J. The Idea of “Flight for Persecution” in the Alexandrian Tradition from Clement to Athanasius // *Origeniana Octava. Papers of the 8th International Origen Congress* / ed. L. Perrone. Vol. II. Leuven, 2003. P. 901—910.
25. McGuckin J. A. Martyr Devotion in the Alexandrian School: Origen to Athanasius // *Martyrs and Martyrologies* / ed. D. Wood. Oxford, 1993. P. 35—45.
26. Meyer P. *Die Libelli aus der decianischen Christenverfolgung*. B., 1910.
27. Papandrea J. L. Novatian of Rome and the culmination of Pre-Nicene Orthodoxy. Eugene, 2011.
28. Portolano A. *Il dramma dei lapsi nell'epistolario di Cipriano*, Napoli 1972.
29. Quasten J. *Patrology*. Vol. 1—4. Utrecht, 1950—1960.
30. Rankin D. I. *From Clement to Origen. The Social And Historical Context of the Church Fathers*. Aldershot, 2006.
31. Rebillard E. *Christians and their many identities in late antiquity, North Africa, 200—450 C. E.* Ithaca; L., 2012.
32. Sage M. *Cyprian*. Cambridge, 1975.
33. Selinger R. *The Mid-Third Century Persecutions of Decius and Valerian*. Frankfurt am Main, 2002.

34. Szabó Á. The Aftermath of Christian Persecutions: Lapsed and Heretic Bishops in the Works of Saint Cyprian // *Acta antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae*. Vol. 52. 2012. P. 213—223.
35. Taylor J. H. St. Cyprian and the Reconciliation of Apostates // *Theological Studies*. Vol. 3. 1942. P. 27—46.
36. Wilson S. G. *Leaving the Fold. Apostates and Defectors in Antiquity*. Minneapolis, 2004.
37. Wilson S. G. *Rivalry and Defection // Religious Rivalries in the Early Roman Empire and the Rise of Christianity* / ed. L. E. Vaage. Wilfrid Laurier, 2006. P. 51—71.

Martyrs, Confessors and Apostates in De Lapsis of Cyprian of Carthage

Aleksey Panteleev

*Saint Petersburg State University; Institute of World History RAS
Russian Federation, Saint Petersburg*

Abstract

The article offers a new look at Cyprian of Carthage's treatise *De lapsis*, written in the spring of 251 after the end of the persecution of Decius. The issues of church discipline and repentance were in the focus of the author's attention. He was looking for solutions to the problems that have arisen as a result of apostasy. Cyprian was fully aware that the persecution could resume in the near future, and the *De lapsis* contains detailed instructions on how to behave during the persecution, and what to do if a believer had made a sacrifice. Cyprian pointed out the reasons for apostasy, describes the patterns of behavior of apostates, and finally gives recommendations on how to repent and to seek forgiveness.

Keywords: Cyprian, *De lapsis*, the Roman Empire, early Christianity, persecution, Carthage

Publication date: 31.08.2025

Citation link:

Panteleev A. Martyrs, Confessors and Apostates in *De Lapsis* of Cyprian of Carthage // *ISTORIYA*. – 2025. – V. 16. – Issue 6 (152).

URL: <https://history.jes.su/s207987840035919-9-1/>. DOI: 10.18254/S207987840035919-9